

На правах рукописи

Орлова Ольга Вячеславовна

КОММУНИКАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ
ЛЕКСИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ
КОНЦЕПТА *ЯЗЫК* В ЛИРИКЕ И. БРОДСКОГО

Специальность 10.02.01 – русский язык

Автореферат
диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Томск 2002

Работа выполнена на кафедре современного русского языка и стилистики Томского государственного педагогического университета

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Болотнова Нина Сергеевна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Сулименко Надежда Евгеньевна;
кандидат филологических наук, доцент
Сыпченко Светлана Васильевна

Ведущая организация: Кемеровский государственный университет

Защита состоится 10 октября 2002 года в _____ часов на заседании диссертационного совета Д. 212.267.05 по присуждению учёной степени доктора филологических наук в Томском государственном университете по адресу: 634050, Томск, пр. Ленина, 36.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Томского государственного университета.

Автореферат разослан ____ _____ 2002 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук,
профессор

Захарова Людмила Андреевна

Диссертационное исследование посвящено изучению средств и способов лексического воплощения концепта *язык* в поэтических текстах И. Бродского в коммуникативно-деятельностном аспекте.

Работа выполнена в русле нового интенсивно разрабатываемого направления современной функциональной стилистики – *коммуникативной стилистики текста*, «формирующейся на стыке с другими науками и комплексно изучающей целый текст (речевое произведение) как форму коммуникации и явление идиостиля» (Болотнова, 1998).

Актуальность исследования. Антропоцентризм и текстоцентризм современной лингвистической парадигмы стимулируют ученых «покинуть системно-детерминистский мир привычного представления языкового строя <...> и вступить в вероятностный мир языковой личности» (Караулов, 1999). Языковая личность писателя во всей ее многогранности и неисчерпаемости проявляет себя в произведениях словесного искусства. Художественный текст, обладая лексической структурой, «индивидуальной, концептуально и прагматически обусловленной, нацеленной на эстетическое отражение действительности конкретной авторской личностью» (Болотнова, 2001), воплощает в словесной форме уникальную и неповторимую картину мира его творца. Это обуславливает необходимость комплексного изучения и реконструкции вербально запечатленных в лексической структуре поэтических текстов и организованных ключевыми концептами мировидения автора фрагментов его концептуальной картины мира.

Интердисциплинарный подход к художественному тексту определил появление «концептуального» направления в стилистике художественной литературы (Кузьмина, 1991; Бабурина, 1995; Малышева, 1997; Кусаинова, 1997; Суродина, 1999; Тильман, 1999; Данькова, 2000; Борисова, 2001; Иващенко, 2001; Лаврова, 2001; Пушкарева, 2001; Староченко, 2001; Сулименко, 2001; Чурилина, 2001 и др.). Оно стимулировано, во-первых, научными достижениями функциональной стилистики (ср. работы М.Н. Кожиной, М.П. Котюровой, М.Б. Борисовой), во-вторых, традицией постижения эстетического смысла текста с позиций отражения в его словесно-образной ткани универсальных смыслов *человек, время, пространство, событие* и т.д. (Чернухина, 1987; Сулименко, 1995 и др.), в-третьих, интенсивной разработкой когнитивных аспектов лингвистики (ср. работы Н.Д. Арутюновой, Ю.С. Степанова, В.З. Демьянкова, Р.М. Фрумкиной, Е.С. Кубряковой и др.). Данное направление ориентировано на выявление семантических универсалий художественного мышления автора в их текстовом воплощении с опорой на справедливое положение о том, что «идиостиль может быть представлен как система концептов-доминант творчества художника и языковых способов ее репрезентации в текстах» (Малышева, 1997). При этом идиостиль трактуется преимущественно в аспекте первичной коммуникативной деятельности автора - в аспекте текстообразования. В коммуникативной стилистике текста литературное произведение предстает как форма коммуникации, предполагающая

совместную речемыслительную деятельность автора и адресата, что обуславливает смещение акцентов в анализе идиостиля и наполнение этого понятия новым коммуникативным содержанием. Исследование идиостиля «с точки зрения того, как конкретная языковая личность организует диалог с читателем, направляя его речемыслительную деятельность по определенному пути в соответствии с коммуникативной стратегией текста и интенцией создателя» (Болотнова, 2001), предполагает особую актуальность изучения ключевых концептов мировидения автора, средств и способов их лексической манифестации в художественном тексте именно в коммуникативно-деятельностном аспекте.

Коммуникативное изучение текстовой реализации доминантных концептов творчества писателя разными своими гранями обращено к актуальной проблематике и методологии всех трех активно развивающихся и детерминированных относительно друг друга направлений современной коммуникативной стилистики художественного текста (см. о них: Болотнова, 1998, 2001 и др.). *Теория текстовых ассоциаций* значима ввиду того, что сотрудничество коммуникантов в процессе приобщения к эстетическому смыслу текста происходит на ассоциативной основе, а концепты актуализируются в ассоциативно-вербальной сети произведения посредством пронизанных многомерными и разветвленными связями ассоциативно-смысловых полей (АСП). Особая важность *теории смыслового развертывания текста* определяется стратегической нацеленностью доминантных концептов мирознания автора на формирование интегральных смыслов и их динамическое развитие в лексической и смысловой структуре как отдельного текста, так и творчества художника в целом. Наконец, значимость *теории регулятивности* проявляется в том, что динамику сквозной репрезентации ключевых концептов в поэтических произведениях обеспечивает «действие» универсальных законов словесно-образного структурирования текста – коммуникативных универсалий, регулирующих интерпретационную деятельность читателя.

Поэзия И. Бродского – явление, во многом определившее историю изящной словесности второй половины XX века в целом и развитие современной русской поэзии в частности. Колоссальный масштаб личности и творчества художника предполагает неугасающий к ним интерес многих поколений исследователей. В современном литературоведении формируется особое направление, объединенное пристальным вниманием к разным проявлениям творческой индивидуальности поэта. Фундаментальные основы бродсковедения заложены такими выдающимися филологами, как Ю. Лотман и М. Лотман, Л. Лосев, В. Куллэ, А. Жолковский, А. Ранчин, Я. Гордин, В. Полухина. В то же время изучение поэтического наследия И. Бродского в лингвистическом аспекте только начинается (Ахапкин, 2000; Шестак, Фоменко, 2000; Маймескулов, 2001; Петрова, 2001). Это обуславливает особую актуальность лингвостилистического анализа сложного и многогранного феномена лирики поэта.

Объектом исследования является вербальная репрезентация ключевых концептов в лексической структуре поэтического текста в аспекте идиостиля, **предметом** – коммуникативные аспекты лексической экспликации концепта *язык* в лирике И. Бродского.

Цель работы – комплексное коммуникативное изучение идиостиля И. Бродского на основе анализа средств и способов вербальной репрезентации концепта *язык* в лексической структуре его поэтических текстов.

Поставленная цель предполагает решение ряда **задач**:

1. Определить место концепта *язык* в концептосфере И. Бродского и обосновать его ключевой, доминантный характер.
2. Выделить и описать основные средства вербальной экспликации концепта *язык* в лексической структуре поэтических текстов И. Бродского в коммуникативном аспекте.
3. Выяснить способы ассоциативно-смыслового взаимодействия вербальных репрезентантов концепта *язык* друг с другом, а также с вербальными репрезентантами других ключевых концептов творчества поэта.
4. На основе теории текстовых ассоциаций и компьютерного анализа словесной организации поэтических текстов создать гипотетическую модель межтекстового АСП концепта *язык* в поэзии И. Бродского, отражающую своеобразие концептуальной картины мира автора.
5. Определить роль коммуникативных лексических универсалий и законов словесно-образного структурирования текста, регулирующих познавательную деятельность читателя, в механизме межтекстового смыслового развертывания концепта *язык* в лирике И. Бродского.
6. На основе анализа ведущих средств и способов лексической экспликации концепта *язык* в лирике И. Бродского реконструировать отдельные фрагменты концептуальной и языковой картины мира поэта, выявить особенности его идиостиля.

Материалом исследования является лирика И. Бродского (более 570 произведений разных жанров). Проанализировано около 2000 словоупотреблений лексем, ассоциативно сопряженных с концептом *язык*, а также находящихся с ними в радиусе ассоциативно-образного взаимодействия. При моделировании межтекстового АСП концепта *язык* в поэзии И. Бродского с помощью компьютерного анализа было обработано более 166000 словоупотреблений.

Научная новизна исследования:

1. Впервые вербальная репрезентация ключевого концепта мировидения И. Бродского в лексической структуре его поэтических текстов рассматривается в коммуникативном аспекте - в свете теории текстовых ассоциаций, теории регулятивности и ассоциативно-смыслового развертывания концепта в творчестве поэта.
2. Обоснование ключевого статуса концепта *язык* и его связи с другими в концептосфере поэта осуществлено на основе объективных данных компьютерного анализа их лексических репрезентантов.

3. По результатам компьютерного анализа словесной организации поэтических текстов создана гипотетическая модель межтекстового АСП концепта *язык* в поэзии И. Бродского.

4. Доказано положение о «лингвоцентризме» как сущностном свойстве концептуальной картины мира автора. Представлено комплексное коммуникативное рассмотрение лексического воплощения концепта *язык* в системе «лингвоориентированных» средств и способов его вербальной экспликации в творчестве поэта.

Теоретическая значимость работы состоит в выявлении идиостилевого своеобразия лирики И. Бродского посредством комплексного изучения средств и способов вербальной репрезентации ключевых концептов в лексической структуре поэтических текстов. Определена специфика действия универсальных законов словесно-художественного структурирования в процессе межтекстового ассоциативно-смыслового развертывания доминантных концептов в творчестве писателя.

Практическая значимость работы связана с целесообразностью использования ее результатов в вузовских курсах «Филологический анализ текста», «Стилистика русского языка», в спецкурсах и спецсеминарах по стилистике художественного текста, а также в школьном курсе «Русская словесность» при изучении творчества И. Бродского.

Методика исследования является комплексной и основанной на использовании приемов моделирования, семантико-стилистического, контекстологического, сравнительно-сопоставительного, количественного и компьютерного анализа словесной организации поэтических текстов.

Основные положения работы были **апробированы** на Региональной научно-методической конференции «Актуальные проблемы методической работы в школе и вузе» (14 - 16 мая 1997, Томск), Региональном научно-практическом семинаре «Проблемы развития речевой культуры педагога» (28 - 29 ноября 1997, Томск), Всероссийской конференции, посвященной 120-летию Томского университета (27 – 29 марта 1998, Томск), II областной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых (16 – 22 апреля 1998, Томск), Международном конгрессе «Наука, образование, культура на рубеже тысячелетий» (20 – 25 декабря 1999, Томск), региональной научно-методической конференции «Проблемы учебно-методической и воспитательной работы в школе и вузе» (22 – 26 февраля 1999, Томск), Международном симпозиуме молодых ученых «Лингвистические парадигмы: традиции и новации» (23 – 25 мая 2000, Волгоград), Всероссийской научной конференции «Актуальные проблемы русистики» (4 - 5 ноября 2000, Томск), городском научно-практическом семинаре «Художественный текст и его смысл: проблемы лингвистического анализа» в рамках IV межвузовской конференции молодых ученых ТГПУ (24 – 29 апреля 2000, Томск), X и XI Духовно-исторических чтениях (23 мая 2000, 21 мая 2001, Томск), научной конференции «Культура и текст (Славянский мир: прошлое и настоящее)» (25 мая 2000, Барнаул), научной конференции «Русский язык и литература в современном культурном пространстве» (2 - 3 ноября 2000, Томск), V

Общероссийской межвузовской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука и образование» (23 – 26 апреля 2001, Томск), II Всероссийской научно-практической конференции «Художественный текст и языковая личность: проблемы изучения и обучения» (11 – 12 октября 2001, Томск), II региональной конференции молодых ученых «Актуальные проблемы лингвистики, литературоведения и журналистики» (23 – 26 марта 2001, Томск), I Межвузовской конференции студентов, аспирантов, молодых ученых «Коммуникативные аспекты языка и культуры» (28 – 29 марта 2001, Томск), V региональном научно-практическом семинаре «Диалог с текстом: проблемы обучения смысловой интерпретации» (25 апреля 2002, Томск), а также на заседаниях кафедры современного русского языка и стилистики Томского государственного педагогического университета (21 мая 2002) и кафедры русского языка Томского государственного университета (24 июня 2002). Содержание работы отражено в 23 публикациях.

Структура работы. Диссертация состоит из **введения**, двух глав, **заключения и приложения**. Библиография работы включает более 300 наименований.

Основное содержание работы

Во введении обосновываются актуальность и новизна темы, её теоретическая и практическая значимость, определяются объект, предмет, материал и методика исследования, формулируются цель и основные задачи работы, излагаются основные положения, выносимые на защиту, а также дается интерпретация термина *концепт* в коммуникативной стилистике художественного текста на фоне других направлений лингвистических исследований в рамках методологически значимых корреляций *концепт – понятие, концепт – слово, концепт – средства и способы его вербальной объективации*.

Первая глава «Концепт язык в концептосфере И. Бродского» посвящена обоснованию ключевого статуса концепта *язык* в концептосфере И. Бродского, доказательству «*лингвоцентризма*» как доминантного свойства концептуальной картины мира поэта, определению места концепта *язык* в ряду других детерминированных относительно друг друга ключевых концептов, выявлению способов их ассоциативной сопряженности в ассоциативно-смысловом развертывании поэтических текстов автора, а также рассмотрению основополагающих констант его уникальной лингвофилософской концепции.

§ 1.1. «Место концепта язык в концептосфере И. Бродского и его лексическая репрезентация»

Есть основания полагать, что концепт *язык* занимает периферийное положение в наивной картине мира личности (Ромашко, 1991; Арутюнова, 2000 и др.). Там не менее, в современной лингвистике наблюдается мощный всплеск исследовательского интереса к специфике вербальной экспликации метаязыкового сознания как коллективной языковой личности (Никитина 1993; Тубалова, 1995; Ростова, 2000; Голев, 2001), так и индивидуальной языковой личности художника слова (Исрапова, 2001, Штайн, 1999;

Ковалева, 2001; Погребная, 2001; Жогина, 2001; Резницкая, 2001). Лингвистическими сигналами лексической объективации в художественном тексте метаязыковой рефлексии автора становятся вербальные репрезентанты концепта *язык* – метаязыковые лексические единицы. Тот факт, что «в лексике современного метаязыка его концептуальное ядро составляют имена (прежде всего термины-субстантивы)» (Мечковская, 2000), дает веские основания для определения лексем-субстантивов – *метаязыковых имен* – в качестве опорных единиц анализа вербального воплощения концепта *язык* в поэтических текстах И. Бродского.

Компьютерное исследование всего корпуса поэтических текстов И. Бродского позволило выявить 1103 словоупотребления 98 субстантивных метаязыковых лексических знаков, которые и образуют метаязыковое лексическое поле лирики поэта. Полученные данные послужили основой для создания гипотетической модели АСП концепта *язык* в поэзии И. Бродского, которая отражена в виде общей схемы и таблиц. Общая схема АСП (см. схему 1) отражает иерархию семантических рубрик – сегментов АСП. В таблицах (см. табл. 1, 2, 3) зафиксированы структурированные в соответствии с семантическими рубриками схемы метаязыковые лексические знаки, представленные в поэтических текстах И. Бродского. Порядок их расположения и следования таков: в графах таблиц лексические знаки упорядочены по индексу их частотности (общему количеству словоупотреблений в лирических текстах поэта) от большего к меньшему, имеющие одинаковый индекс частотности – по алфавиту.

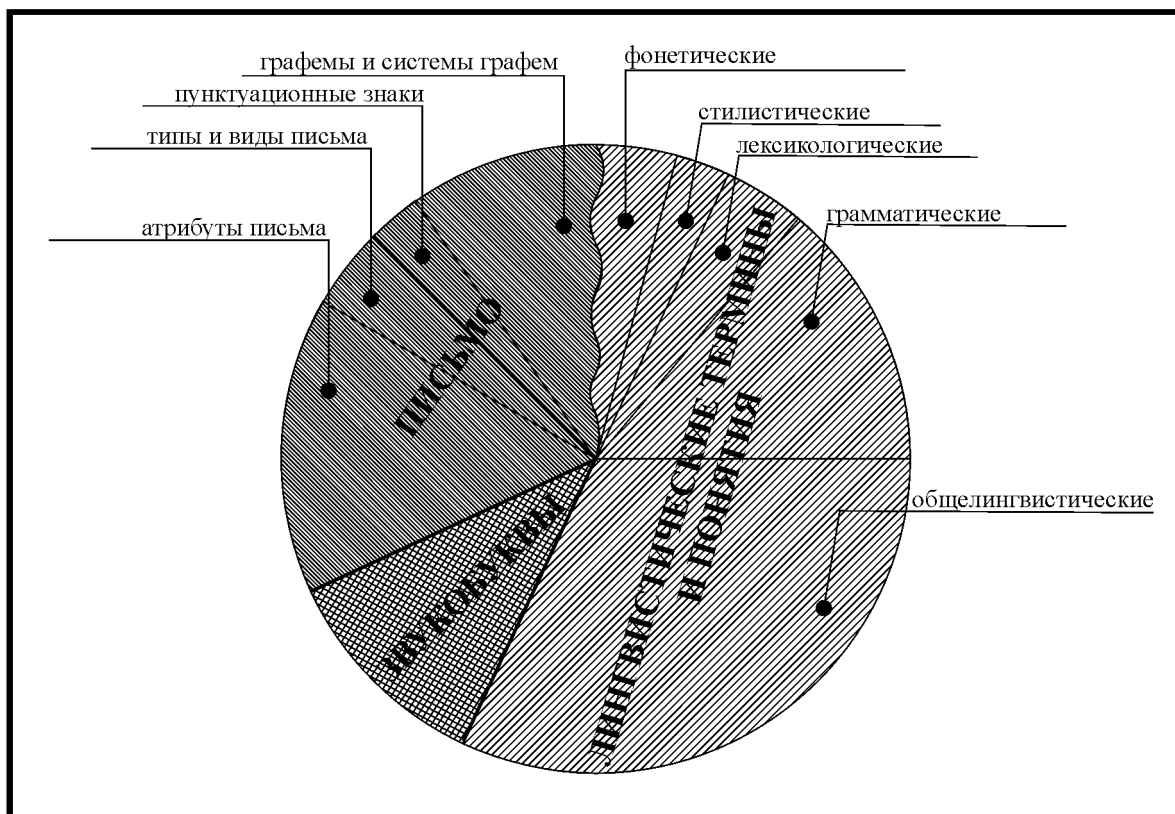

Схема 1

Лингвистические термины и понятия									
Общелингвистические	Грамматические	Лексикологические	Стилистические	Фонетические					
речь	93	глагол	27	слово	232	стиль	4	слог	10
язык	67	фраза	21	имя	57	тавтология	4	гласный	4
просторечье	8	время(глагола)	13	название	9	гипербола	1	согласный	4
наречье	5	грамматика	4	словарь	8	перифраза	1		
текст	4	существит-ное	4	метафора	6				
словесность	2	падеж	4	синоним	6				
диалект	1	часть речи	4	словарн. запас	1				
жаргон	1	число	4						
		окончание	3						
		подлежащее	3						
		сказуемое	3						
		союз	2						
		местоимение	2						
		частица	2						
		вид (глагола)	1						
		междометие	1						
		наречие	1						
		обстоятельство	1						
		род	1						
		суффикс	1						

Таблица 1

Письмо							
Графемы и системы графем	Пунктуационные знаки		Типы и виды письма		Атрибуты письма		
графемы	запятая	11	письмо	37	перо	54	
буква	53	скобки	8	почерк	7	бумага	49
литера	6	многоточие	6	письменность	6	строка	48
иероглиф	5	точка	6	клинопись	5	лист	21
мягкий знак	2	вопросит. знак	3	петит	5	страница	18
системы графем	восклиц. знак	3	письмена	3	чернила	16	
алфавит	16	тире	3	шрифт	1	писчая	2
кириллица	9	двоеточие	2	Эльзевир	1		
латынь	4	знаки препинания	2				
азбука	3						
букварь	2						
глаголица	1						

Таблица 2

Звукобуквы	
буква	кол-во
«а»	5
«б»	4
«в»	2
«г»	1
«ё»	2
«ж»	3
«и»	1
«р»	1
«с»	7
«т»	6

«у»	5
«к»	4
«л»	2
«м»	1
«о»	2
«п»	1
«х»	1
«ц»	1
«ы»	4
«ю»	1
«я»	1

Таблица 3

Модель АСП концепта *язык* в поэзии И. Бродского демонстрирует безусловное доминирование рассматриваемого концепта в концептосфере писателя. Это выражается: 1) в разнообразии и обширности представленного в текстах поэта репертуара метаязыковых лексических знаков – репрезентантов концепта; 2) в высокой частотности их употребления. Разветвленная и многомерная структура АСП концепта *язык* в поэзии И. Бродского и конституирующих его основных фрагментов («Лингвистические термины и понятия», «Письмо», «Звукобуквы») адекватно отражает «лингвоцентризм» концептуальной картины мира автора – ее сущностное свойство, обеспечивающее осознание читателем исключительной значимости концепта *язык* в творчестве поэта посредством особой системы «лингвоориентированных» средств и способов его вербальной экспликации.

Так, самый объемный фрагмент АСП концепта *язык* в поэзии И. Бродского «Лингвистические термины и понятия», содержащий 43 лексических знака, насчитывающих 630 употреблений в поэтических текстах (см. табл. 1), наглядно демонстрирует сфокусированность поэтического мировидения автора на осознанное научное теоретико-аналитическое осмысление языковой реальности. Необычайно обширен лексический репертуар эстетически актуализированной в поэтических текстах художника лингвистической терминологии – от общелингвистической до узкоспециальной. Причем лингвотерминологический пласт идиолексикона поэта обнаруживает достаточно четкую дифференциацию в соответствии с уровневый

устройством языковой системы: в нем представлена терминология разных разделов языковедческой науки (грамматики, лексикологии, стилистики, фонетики). Особенно ярко «лингвоцентризм» мирознания писателя проявляется в обилии и разнообразии (20 лексем, 102 словоупотребления) используемых в его поэтических текстах грамматических терминов, среди которых есть родовые терминообозначения (*грамматика, часть речи*), названия частей речи (*глагол, существительное, союз, местоимение, частица, междометие, наречие*), грамматических категорий (*время, вид, падеж, число, род*), номинаты морфем (*окончание, суффикс*) и членов предложения (*подлежащее, сказуемое, обстоятельство*).

Второй по величине фрагмент АСП концепта *язык* в поэзии И. Бродского (см. табл. 2) «*Письмо*» (35 лексических знаков, 418 словоупотреблений) отражает присущую творческому мировидению автора сосредоточенность на сфере письменной коммуникации во всем многообразии ее проявлений, также являющуюся объектом многих областей лингвистической науки (истории и теории языкознания, лингводидактики, орфографии и т.д.), но периферийной в наивной «картине языка», для которой намного более актуальной оказывается устная сфера коммуникации (Никитина, 1993; Ростова, 2000).

И, наконец, третий фрагмент АСП концепта *язык* в поэзии И. Бродского (см. табл. 3) «*Звукобуквы*» (21 лексический знак, 55 употреблений) демонстрирует наиболее специфическую особенность лингвистической рефлексии поэта – концептуализацию в его лирических произведениях звукобуквенных символов, приобретающих способность становиться самостоятельным смыслоформирующим элементом, который обладает в лексической структуре текстов художника статусом слова.

Смысловое развертывание поэтических текстов обеспечивается взаимодействием АСП – текстовых коррелятов определенных фрагментов концептуальной картины мира автора, сформированных системой ключевых концептов, актуализированных в ассоциативно-вербальной сети стихотворений и детерминированных относительно друг друга.

Основой взаимодействия ассоциативно-смысловых полей ключевых концептов служат: на внутритекстовом уровне – *ассоциативные параллели* (Карпенко, 2000), обуславливающие соотнесенность того или иного элемента лексической структуры текста с разными текстовыми смыслами, а следовательно, с разными концептами; на межтекстовом уровне – *ассоциативные переключки* (там же), манифестирующие регулярные ассоциативные сближения ключевых концептов мировидения автора в различных его произведениях. Так, например, в стихотворении «Сумерки. Снег. Тишина...» лексема *белизна*, будучи включенной в несколько ассоциативных параллелей, является «точкой контакта» АСП как минимум трех концептов (*язык, смерть, природа*), взаимодействие которых обеспечивает реализацию смысловой программы стихотворения: *Но белизна вообще залог / того, что под ней хоронится то, что / превратится впоследствии в почки, в точки, / в буйство зелени, в буквы строк. // Пусть не бессмертие – перегной / вберет меня. Разница только в поле / сих существительных.* Лексема *глагол*, являясь лингвистической основой присущих идиостилю автора ассоциативных переключек, в свою очередь, фокусирует в разных произведениях

поэта смысловую корреляцию концептов *язык* и *время*: *Можно сказать уверенно: / здесь и скончаю я дни, теряя / волосы, зубы, глаголы, суффиксы...*(«1972 год»); *Голос / представляет собой борьбу глагола с / ненаставшим временем* («В Англии»); *И как-то тянет все чаще прикладывать носовой / к органу зрения, занятому листвой, / принимая на свой / счет возникающий в ней пробел, / глаголы в прошедшем времени, букву "л" («Fin de Siecle»).*

Таким образом, полностью соответствуя критериям выделения ключевых концептов творчества художника (частотность репрезентантов концепта; его ассоциативно-смысловая сопряженность с другими ключевыми концептами; наличие ассоциативных параллелей и ассоциативных переключек, обеспечивающих оперативную включенность концепта в смысловое развертывание текстов), концепт *язык* является ядерной единицей концептосферы И. Бродского, что обуславливает такое доминантное сущностное ее свойство, как «лингвоцентризм».

В § 1.2. «Философия языка в художественном мире И. Бродского» определены стержневые параметры лингвофилософской концепции поэта на основе контекстологического анализа динамики ассоциативно-смыслового развертывания концепта *язык* в лирических произведениях И. Бродского (X глава поэмы «Горбунов и Горчаков», «Строфы» («наподобье стакана...»), «Литовский ноктюрн: Томасу Венцлова»), обнаруживающих факт чрезвычайно высокой частотности метаязыковых лексем, их максимальной «концентрации» и разнообразия (92 словоупотребления 37 метаязыковых слов). Такие константы индивидуально-авторской интерпретации бытия, как гипостазирование, онтологизация и сакрализация языка (Плеханова, 2001), формируют вербально эксплицированную в лексической структуре поэтических текстов уникальную личностную теологию языка. Ее концентр составляют, во-первых, вопрос о соотношении имени и вещи, решающийся в поэзии Бродского в духе крайнего номинализма (*не жизнь передо мной - победа слов*). Во-вторых, проблема онтологических взаимоотношений языка и человека, рассматриваемая поэтом в разных аспектах: 1) идеи жизни человека как экзистенциальной жертвы языку-Абсолюту (*Знаешь, все, кто далече, / по ком голосит тоска - / жертвы законов речи, / запятых, языка*); 2) интерпретации жертвенного акта как акта речевого (*Дорогая, несчастных / нет! нет мертвых, живых. / Всё - только пир согласных / на их ножках кривых. <...> // Право, чем гуще россыпь / черного на листе, / тем безразличней особь / к прошлому, к пустоте / в будущем*); 3) универсального принципа «лингвистического детерминизма» (*вся жизнь, как нетвердая честная фраза / на пути к запятой*).

Поскольку в первой главе диссертационного исследования в центре внимания, по преимуществу, были лингвистические термины и понятия, **вторая** его глава «**Средства и способы лексической экспликации концепта *язык* в поэзии И. Бродского**» посвящена изучению таких значимых для постижения специфики идиостиля автора средств вербальной экспликации концепта *язык* в поэтических текстах И. Бродского, как номинат концепта, звукобуква и лексемы ЛСГ «Атрибуты письма».

В § 2.1. «**Номинат концепта в лексической структуре поэтических текстов И. Бродского**» на основе гипотезы о приблизительном соответствии внутренней

организации АСП концепта и семантической структуры многозначного слова – номината концепта прослеживаются различные «семантические роли» лексемы *язык* в ассоциативно-смысловом развертывании поэтических текстов.

Семантический и концептуальный анализ функционирования номината исследуемого концепта - одного из базовых средств его вербальной репрезентации - в лексической структуре поэтических текстов Бродского позволил выделить несколько характерных особенностей идиостиля автора, связанных с «лингвоцентризмом» его концептосферы.

1) Налицо преобладание в лексической структуре стихотворных текстов Бродского «органического» и «лингвистического» значений (Демьянков, 2000) лексемы *язык*, демонстрирующее понимание языка как органа, отвечающего за речевую деятельность во всех ее проявлениях - говорении и слушании, письме и чтении: *листва <...> лопочет / нечто на диалекте почек, / как языками, чей рваный почерк / - кляксы, клинопись лунных пятен - / ни тебе, ни стене невнятен* («Эклога 5-я (летняя)»).

2) Наблюдаемая во многих стихотворениях одновременная актуализация нескольких значений – «органического» и «лингвистического»; «анатомо-гастрономического», «органического» и «лингвистического» - позволяет говорить о «мерцании» смысла и «диффузии» образа как об одной из характерных особенностей текстового ассоциативного поля многозначного слова в лирике Бродского: *и без костей язык, до вмятых звуков лаком, / судьбу благодарит кириллицыным знаком* («Пятая годовщина»).

3) В случае одновременной актуализации в лексической структуре поэтических текстов Бродского нескольких значений слова *язык* доминирующими семантическими компонентами являются «лингвистические». Показательны в этом отношении случаи, когда сначала в лексическом структурировании текста фигурирует «анатомическое» значение лексемы, но ее «лингвистическое» значение имплицитно участвует в смыслоформировании и вербально эксплицируется лишь в конце произведения в доминантной лексической микроструктуре текста, являющейся семантической кульминацией стихотворения: *Средиземное море шевелится за огрызками колоннады, / как соленый язык за выбитыми зубами... / За сегодняшним днем стоит неподвижно завтра, / как сказуемое за подлежащим* («Деревянный лаокоон...»); *и слюна, как полтина, / обжигает язык... / кириллица, грешным делом, / ... знает больше, чем та сивилла, / о грядущем* («Эклога 4-я (зимняя)»).

4) Бродский создает свой неповторимый образ языка в соответствии с законом гармонического соответствия уникальных и типовых текстовых ассоциаций (Болотнова, 1994). Опора на узуальные связи слова, закрепленные в сознании носителей языка, обусловлена: а) вхождением слова в состав фразеологизмов (*язык без костей*); б) устойчивой сочетаемостью лексемы (*шевелить языком, молоть языком*); в) прецедентными текстами (*вырвать язык*).

К разряду индивидуально-авторских ассоциативных связей относится, например, сквозное, регулярно повторяющееся в лексической структуре стихотворений Бродского контекстуальное, а следовательно, и ассоциативно-смысловое партнерство метаязыковых лексем и зоологизмов - названий животных

отряда грызунов (*я ...хуже мыши / глодал петит родного словаря («Разговор с небожителем»); Я был не лишним ртом, но лишним языком, / подспудным грызуном словарного запаса «Письмо в оазис»*)). В отрывке из «Двадцати сонетов к Марии Стюарт» (*язык, что крыса, копошится в соре, / выскивает что-то невзначай*) наблюдается шокирующее сравнение языка с крысой, копошащейся в соре в поисках пищи. Чувство отвращения и брезгливости, порожаемое данным сравнением, подкрепляется узуально закрепленной ярко выраженной отрицательной коннотацией лексем, его составляющих (*крыса, сор, копошиться*). Кроме того, на наш взгляд, интерпретация данного контекста может быть осуществлена только на основе декодирования скрытой аллюзии на хрестоматийные строки Ахматовой: *Когда б вы знали, из какого сора / Растут стихи, не ведая стыда*. Подвергая ахматовскую возвышенность, ее веру в творческое преобразование «сора жизни» в искусстве шутовскому травестированию, автор максимально усиливает скепτικο-ироническую эмоциональную тональность анализируемого текстового фрагмента, подчеркивает свои мучительные сомнения в возможности гармонизации бытия даже в поэтическом творчестве.

Крысы и мыши – существа, для которых характерно очень быстрое передвижение (*бежит, побежала, шмыгнула*), обусловленное страхом за собственное существование и инстинктом жертвы (*лови, ловить, поймать, капкан*). Семантические признаки неуловимости, труднодоступности, мимолетности смысла поэтического текста лежат в основе обозначенной в Русском ассоциативном словаре ассоциативной связи *крыса – стихотворение*. Аналогичная ассоциативная сопряженность наблюдается в «Римских элегиях»: *Рим, человек, бумага; / хвост дописанной буквы - точно мелькнула крыса*. В приведенном сравнении объемность заложенного в нем образа зиждется на семантических возможностях слова–полисеманта: *хвост* – часть тела животного и одновременно – элемент графического знака, одно из понятий правописания. С точки зрения стихотворца, каждая написанная им буква – это попытка зафиксировать, закрепить на бумаге мелькающий в сознании, неуловимый и все время ускользающий, как крыса от ловца, смысл.

Так обогащение ассоциативных возможностей лексемы - номината концепта происходит за счет ее новых индивидуально-авторских ассоциативных корреляций, стабильно репрезентирующихся в лексической структуре поэтических текстов художника.

В § 2.2. «Звукобуква как средство реализации концепта язык в поэзии И. Бродского» исследуется специфическая особенность идиостиля Бродского – концептуализация языковых единиц и понятий, когда они не только выполняют свойственную им метаязыковую функцию или функцию «строительного материала» для единиц более сложного порядка, но, вступая в новые парадигматические и синтагматические отношения в лексической структуре поэтического текста, перерастают в объемный семантически многоплановый образ. На уровне звукобуквы итогом такой концептуализации становится ясное осознание читателем смысловой полнотности звукобуквенного символа, аккумулирующего в себе не только колоссальный прагматический заряд, но и

определенный объем информации, некий «квант» смысла, и, кроме того, воплощающего какую-либо микроидею, какой-либо фрагмент концептуальной картины мира автора. В результате элемент алфавита, означаивающий некоторый звук и не имеющий смыслового наполнения, в стихотворениях Бродского приобретает статус полноценной двусторонней единицы, по сути, статус слова, и функционирует в этом качестве уже на лексическом уровне, в лексической структуре поэтического текста.

Например, звукобуква «Ж» ассоциируется прежде всего с жужжанием насекомых и характеризуется, по данным исследования А.П. Журавлева, как «плохой», «грубый», «отталкивающий», «страшный» и «злой» звук. Во многих стихотворениях Бродского, где тем или иным образом воспроизводится мотив жужжания, перечисленные признаки звука «Ж» максимально актуализируются, становятся источником новых смыслов. Например, в стихотворении «Полдень в комнате» (*Муха бьется в стекле, жужжа*) безысходное отчаяние лирического героя воплощается в отвратительном, назойливом звуке, издаваемом бьющимся о стекло насекомым. Отрицательные характеристики описываемого звука: его назойливость, непрерывность, таящаяся в нем потенциальная угроза – позволяют автору соотнести звук насекомого со звуком враждебного человеку времени, постепенно разрушающего его личность, «пожирающего» ее сознание, высасывающего из нее жизненные соки: *Жужжащее, как насекомое, / время нашло наконец искомое / лакомство в твердом моем затылке* («1972 год»).

Все лексемы словообразовательного гнезда с корнем *жужж* мотивированы звуком, издающимся насекомыми, и изображают его, то есть являются звукоподражательными и звукоизобразительными словами. Эта мотивация актуализирована в написании и произношении редко встречающимся в русском языке удвоением согласного «Ж». Поэтический мир Бродского «населен» многочисленными жужжащими насекомыми: *...и отзвуки их трагедий / смешиваются с пеньем веретена / как гуденье далекого самолета / с жужжаньем буксующей в лепестках пчелы* («Теперь, зная многое о моей жизни...»); *Ежедневная ложь / и жужжание мух / будут им невтерпеж / но разовьют им слух* («Сидя в тени») (в целом в поэзии Бродского насчитывается 33 лексемы с корнем *жужж*). В поэтическом наследии Бродского есть два стихотворения с декларативно энтомологическими названиями: «Бабочка» и «Муха». В стихотворении «Муха», содержащем иронико-философские рассуждения поэта о краткости и бренности жизни и насекомого, и человека, многократно обыгрывается образ буквы «Ж»: *О чем ты гредишь? О своих избитых, / но не рассчитанных никем орбитах? // О букве шестирукой / ради тебя в тетради / расхристанной на месте плоском / кириллицыным отголоском*. Сущность живого существа на основе внешнего сходства насекомого и графического знака закрепляется, воплощается после смерти только в букве русского алфавита. Изящная перифраза (*шестирукая буква*) подчеркивает антропоморфичность графического символа, персонифицирует его. Поэт по ходу всего внушительного по размеру стихотворения, состоящего из двадцати одной главки и шестидесяти трех четверостиший, как бы подтверждает этот тезис графическим рисунком собственного текста через искусную звукопись, звукоподражание, аллитерацию

(пожалуй, лежалый, желтый, жуужжа, дороже, тоже, жестоко, живым, женским ужимкам, жестам, пожухла, жутко, жуужжалка, жалко и т. д.).

Жужжание, сопровождающее краткое земное существование насекомого, по Бродскому, - попытка запечатлеть свою сущность в звуке речи: *Жужжанье мухи / увязшей в липучке, - не голос муки / но попытка автопортрета в звуке / «ж»* («Эклога 5-я (летняя)»). Именно по признаку «наличие – отсутствие способности к звуковоспроизведению» противопоставляются бабочка и муха в одноименных стихотворениях. Немая, беззвучная трагедия бабочки описана Бродским в год его изгнания не только в чужую страну, но и в чужое языковое пространство. Голос, способность выражать себя в звуке поэт воспринимает как «знак родства» поколений, продлевающий бытие, способный не остановить, но хотя бы замедлить трагический ход времени: *Жива, мертва ли / но каждой Божьей твари / как знак родства / дарован голос для / общенья, пенья / продления мгновенья / минуты, дня.* Подкрепляет, как бы осуществляет авторскую идею о возможности преодоления небытия – в тексте, в речи, в букве – оригинальная орнаментальная форма обоих стихотворений, написанных в жанре лирических идеограмм, каждая строфа которых являет собой состоящий из букв силуэт насекомого. Вероятно, изысканное построение строф этих произведений демонстрирует не только виртуозное владение автором словом, но и его желание самой формой текста, его орнаментом, замысловатым буквенным рисунком противостоять роковой «однодневности» существования, вечной, неизбывной трагедии бытия.

Анализ звукобуквы «Ж» в качестве лексического маркера концепта *язык* в поэтических текстах И.Бродского позволяет говорить об амбивалентности поэтического мировидения поэта: звук, олицетворяющий экзистенциальную драму человеческого существования, одновременно является попыткой ее преодоления в букве алфавита, в тексте, в поэтическом творчестве.

Таким образом, способность звукобуквы становится самостоятельным смыслоформирующим элементом текста, обладающим в лексической структуре текстов Бродского статусом слова, зиждется на ассоциативной «ауре» звукобуквы, стимулированной ее графическим обликом (*Полицейский на перекрестке / машет руками, как буква «ж», ни вниз ни / вверх* («Декабрь во Флоренции»)) и фонетической значимостью (*попытка автопортрета в звуке / «ж»* («Эклога 5-я (летняя)»)).

Концептуализация звукобуквы, превращение ее в семантически многоплановый образ «технически» осуществляется в поэзии Бродского разными способами:

- 1) графическим выделением буквы в отдельную, суверенную единицу текста (*...и улица вдалеке сужается в букву «у»...* («Всегда остается возможность выйти из дому на улицу...»)). Этот способ не только наиболее частотен в творчестве поэта, но и наиболее продуктивен, так как применяется в отношении 21 из 33 букв русского алфавита (результаты компьютерного анализа см. в таблице 3);
- 2) перифрастическим описанием буквы (*Как тридцать третья буква, / я пячусь всю жизнь вперед* («Строфы»)); *О букве шестирукой* («Муха»));

3) использованием звукоподражательных лексем, мотивированных определенным звуком и этот звук репрезентирующих (*Жужжащее, как насекомое, / время («1972 год»*)).

Все эти способы направлены на реализацию коммуникативной макростратегии автора, подразумевающей стимулирование в сознании воспринимающего субъекта обусловленных замыслом писателя магистральных направлений ассоциирования, связанных с «лингвоцентризмом» его мировидения.

§ 2.3. «Специфика реализации закона смысловой «избыточности» в механизме сквозной репрезентации концепта *язык* в лирике И. Бродского (на материале ЛСГ «Атрибуты письма») посвящен утверждению положения о том, что ассоциативно-смысловым развертыванием концепта *язык* в творчестве И. Бродского в целом как динамическом текстовом единстве, осознаваемом как «гипертекст» (Караулов, 1999), «руководит», по преимуществу, такая коммуникативная универсалия словесно-образного структурирования поэтического текста, как закон эстетически обусловленной смысловой «избыточности» (Болотнова, 1994), регулирующий познавательную деятельность читателя.

Рассмотрение одного из ведущих направлений смыслового развертывания концепта *язык* в лирике И. Бродского, связанного с идеей особой трансцендентальной значимости письменного текста и акта его сотворения (опорными единицами анализа стали лексемы ЛСГ «Атрибуты письма»), позволило выделить следующие способы реализации закона смысловой «избыточности» в лексической структуре поэтических текстов.

1) *Частотность* слов-маркеров концепта. Методом сплошной выборки по критерию частотности словоупотреблений были определены лексемы ЛСГ «Атрибуты письма», ставшие опорными в данной части нашего исследования: *буква, бумага, перо, строка, чернила*. Полученные результаты, подтвержденные компьютерным анализом поэтических текстов И. Бродского, представлены в таблице 4, где сопоставлена частотность словоупотреблений интересующих нас лексем в поэзии И. Бродского, М. Цветаевой и О. Мандельштама (данные приводятся по частотным словарям лирики М. Цветаевой и О. Мандельштама, составленным И.И. Бабенко (2000) и А.А. Васильевой (2000)).

	поэзия И. Бродского	поэзия М. Цветаевой	поэзия О. Мандельштама
Буква	53	8	4
Бумага	49	9	6
Перо	54	19	2
Строка	48	10	0
Чернила	16	4	3

Таблица 4

Сравнение приведенных в таблице 4 статистических данных наглядно показывает ключевой, ядерный статус рассматриваемых лексем и манифестированных ими художественных реалий в лексической и смысловой структуре стихотворений И. Бродского, второстепенный – в лирике М. Цветаевой и периферийный - в творчестве О. Мандельштама.

2) Стабильная *воспроизводимость* лексем-репрезентантов в разные периоды творчества автора. Лексемы, обозначающие атрибуты письма, регулярно воспроизводятся в поэзии Бродского начиная с ее раннего периода вплоть до позднего творчества 1990-х годов. Так, *перо, бумага и чернила* впервые встречаются в произведениях «Шествие» (1961 г.), «Лучше всего спалось на Савеловском...» (1960 г.) и «Кто к минувшему глух...» (1964 г.), а в последний раз - соответственно в «Меня упрекали во всем...» (1994 г.), «Иския в октябре» (1993 г.) и «Моллюск» (1994 г.). Высока концентрация анализируемых лексических единиц в зрелом творчестве поэта (1970-е – 1980-е гг.), в том числе – в вершинных его стихотворениях («Декабрь во Флоренции» (1976 г.), «Римские элегии» (1981 г.) и др.).

3) Наблюдающаяся в произведениях поэта богатая *синонимия* языковых средств, которая обеспечивает необходимое разнообразие палитры их смысловых оттенков при общности интегрального смысла. Приведем в качестве наглядного примера текстовую смысловую лексическую парадигму синонимического типа: *буква – литера – шрифт – петит – бисер*. Она включает как узуальные синонимы, так и окказиональные, индивидуально-авторские. Лексемы *литера, шрифт и петит* – типографские термины; причем если два первых – общеизвестные, то последний (Петит - название любого шрифта, имеющего размер 8 пунктов. [От франц. Petit - маленький] (МАС)) является узкоспециальным понятием. В итоге значимость таких семантических признаков буквы, как способность быть зафиксированной в письменном или печатном тексте и «строительным материалом» для более сложных конструкторов (слов, строк и т.д.), обогащается актуализацией ее параметрических характеристик, а именно - ее маленького размера.

Как известно, мелкий шрифт или почерк сложен для визуального восприятия, и следовательно, затрудняет процесс чтения и понимания текста. Бродский метафорически осмысливает эту ситуацию в аспекте неодолимой сложности постижения глубинной сущности поэтического слова: *все едино, как сбившийся в строчку петит* («Ночной полет»). За счет актуализации семантики очень маленького размера графических знаков вполне естественным осознается индивидуально-авторский окказиональный синоним *бисер*. Симптоматично, что параметрическое определение *маленькие* начинает словарное толкование этого собирательного существительного («маленькие цветные зерна из стекла» (МАС)), а прилагательное *бисерный* имеет узуальное переносное значение «очень мелкий», которое иллюстрируется синтагматически устойчивым сочетанием *бисерный почерк*. Кроме семантики очень мелких графических знаков, написанных *бисерным почерком*, ассоциативная связь *бисер – письменность* актуализируется еще одним немаловажным семантическим компонентом – мотивом *плетения*. Бисер плетут, в результате чего мелкие бисеринки, повинувшись воле мастера, образуют новый неповторимый узор. В стихотворении «Полярный исследователь» семантически многоплановый образ создания письменного текста как плетения словес из бисера графических символов реален и ярок: *Все собаки съедены. В дневнике / не осталось чистой страницы. И бисер слов / покрывает фото супруги*. В нем заключена надежда лирического субъекта на перевоплощение своей сущности в сплетенное посредством *бисера слов* письменное сообщение.

4) *Метатексты*, экстраполированные в лексическую структуру произведений автора. В значительных по объему поэтических произведениях метатекст способен окрасить весь текст, в который он включен (как предшествующий ему, так и последующий), в соответствии с новой аксиологической модальностью, создать новый вектор смыслового развития стихотворения, новое направление ассоциирования. Так, оба стихотворения Бродского под названием «Строфы» посвящены теме разлуки с любимой, принципиальной невозможности длящейся гармонии. Главной функцией включения метатекста в смысловое развертывание стихотворений здесь становится автокомментирование и самооценка: *Эти строки всего лишь / подголосок беды* («Строфы» («На прощанье - ни звука...»)); *Бедность сих строк - от жажды / что-то спрятать, сберечь; / обернуться... Эти строчки по сути / болтовня старика* («Строфы» («Наподобье стакана...»)). Автор одновременно создает текст и тут же оценивает и комментирует его, выступая в роли взыскательного и придирчивого критика. С одной стороны, поэт весьма критичен по отношению к собственной способности адекватно выразить в слове истинный масштаб своих мыслей и чувств, на что указывает ограничительное значение частиц (*всего лишь, по сути*), занимающих интерпозицию между частями предложений-тождеств. Написанные строки отождествляются с вторичным, слабым и ущербным по сравнению с основным голосом *подголоском беды*, с бессмысленной сумбурной стариковской *болтовней*. Желанием утаить интимное, сокровенное и мучительное знание объясняет поэт *бедность* (видимо, и формы, и содержания) своих строк. С другой стороны, частицы с ограничительным значением призваны снять однозначность, категоричность авторской самооценки. Несовершенство поэтической речи, которая, по мнению художника, *бедна* и представляет собой *болтовню старика*, как зеркало, отражает несовершенство мироустройства, не предусматривающего альтернативы *бедности*, неостановимому старению, не оставляющего возможности что-либо *сберечь*, в том числе и щемящее любовное чувство.

5) *Итеративность* как специфическое свойство лексической структуры поэзии И. Бродского и как ведущий способ реализации в ней закона смысловой «избыточности», основанный на *итерации* – многократном повторении одного лексического комплекса в разных произведениях поэта. Наши наблюдения над функционированием лексем ЛСГ «Атрибуты письма» в лирике Бродского позволили выявить два типа итераций: 1) лексико-синтаксические межтекстовые повторы, подразумевающие полное или частичное тождество и синтаксической структуры (предложения или словосочетания), и ее лексического наполнения; 2) собственно лексические межтекстовые повторы.

Ярким примером лексико-синтаксического межтекстового повтора в творчестве Бродского является трехкратное повторение в разных стихотворениях одного структурно-семантического компонента развернутого высказывания: 1) *я пишу эти строки, стремясь рукой, / их выводящей почти вслепую, / на секунду опередить "на кой?", / с оных готовое губ в любую / минуту слететь и поплыть сквозь ночь, / увеличиваясь и проч.* («Колыбельная Трескового Мыса»); 2) *Я пишу эти строки, сидя на белом стуле / под открытым небом, зимой, в одном / пиджаке, поддав, раздвигая скулы / фразами на родном* («Венецианские строфы

(2)»); 3) *Как знать, может, как раз сейчас, / когда я пишу эти строки, сидя / в кирпичном маленьком городке / в центре Америки* («Теперь, зная многое...»). Возможности синтаксической синонимии и синтаксической деривации позволяют дополнить этот ряд иными модификациями – трансформами рассматриваемой итерации: 4) *И я, который пишет эти строки, / в негромком скрипе вечного пера* («Неоконченное», 1970); 5) *В полдень можно вскинуть ружье и выстрелить в то, что в поле / кажется зайцем, предоставляя пуле / увеличить разрыв между сбившимся напрочь с темпа / пишушим эти строки пером и тем, что / оставляет следы* («Если что-нибудь петь...»). Межтекстовый лексико-синтаксический повтор в данном случае подчеркивает желание автора не просто раскрыть перед читателем свою творческую лабораторию, но зафиксировать в стихотворении конкретный момент его написания, что акцентируется настоящим временем глаголов и причастия (*пишу, пишет, пишушим*) в значении настоящего времени момента речи. Вследствие этого возникает уникальный семантический стереоскопический эффект: перед читателем одновременно предстает и текст, воплощающий определенный фрагмент действительности, и авторская рефлексия по поводу этого же текста (создающегося здесь и сейчас) как уже состоявшегося, проявившегося факта языковой реальности. То есть само стихотворение, *эти строки*, мгновение назад появившиеся из-под пера поэта, оказываются полноправными «героями» создаваемого в данный момент произведения.

В отличие от лексико-синтаксических межтекстовых повторов, собственно лексические межтекстовые повторы не предусматривают обязательной грамматической связи между повторяющимися лексемами. В повторах этого типа значимо воспроизведение комплекса семантически близких лексем, репрезентирующих разные элементы одной ситуации, одного фрагмента действительности. Специфика итеративных собственно лексических повторов заключается в том, что повторяющиеся лексемы обнаруживают парадигматическую соотнесенность друг с другом. То есть, по сути, речь идет о межтекстовых повторах лексических парадигм, «члены которых обладают не только смысловой общностью, закрепленной в узусе, но и ассоциативной соотнесенностью с одной ситуацией» (Болотнова, 1994).

Лексемы ЛСГ «Атрибуты письма»: *буква, бумага, перо, строка, чернила*, в комплексе представляют собой текстовую парадигму узуального типа. Очевидна их смысловая общность, основанная на ассоциативной соотнесенности с ситуацией создания письменного текста. По данным проведенного нами компьютерного анализа поэтических текстов Бродского установлено, что указанная парадигма воспроизводится в 41 произведении, то есть в лексической структуре этих текстов обнаруживается факт совместной встречаемости двух, трех или четырех ее членов: *Перо. Чернильница. Жара. / И льнет линолеум к подошвам... / И речь бежит из-под пера / не о грядущем, но о прошлом* («С видом на море»); *Рим, человек, бумага; / хвост дописанной буквы...* («Римские элегии»); *Сегодня, превращаясь во вчера, / себя не утруждает переменой / пера, бумаги...* («Двадцать сонетов к Марии Стюарт»).

Анализ функционирования итеративных повторов в лирике И. Бродского позволил сделать заключения о некоторых закономерностях словесно-художественного структурирования, присущих идиостилу автора.

Межтекстовые лексико-синтаксические повторы, подразумевающие экспликацию в разных произведениях поэта синтаксических структур предикативного и непредикативного типа с тождественным лексическим наполнением, являются способом реализации закона «смысловой избыточности» при лексическом структурировании текста по горизонтали, при организации текстовой синтагматики. Повторяющиеся синтагмы, в которых наблюдаются устойчивые грамматические связи между лексическими единицами, позволяют поэту создать своего рода клише. Эти клише аккумулируют универсальный интегральный смысл, который в статусе единого семантического целого «путешествует» из произведения в произведение в качестве некой художественной константы. В то же время в каждом отдельном стихотворении повторяющиеся лексико-синтаксические конструируются в уникальные парадигматические отношения, свойственные речевой системности этого конкретного текста, формируя его неповторимый эстетический смысл.

Собственно лексические межтекстовые повторы, не предусматривающие обязательной грамматической связи между повторяющимися лексемами при обязательности парадигматической их соотнесенности (общности того же интегрального смысла), являются способом реализации закона «смысловой избыточности» при лексическом структурировании текста по вертикали, при организации текстовой парадигматики. Взаимодействие двух типов повторов, таким образом, можно интерпретировать как свойственный идиостилу поэта способ реализации еще одного универсального закона словесно-художественного структурирования текста – закона гармонического соответствия текстовой парадигматики и синтагматики (Болотнова, 1994).

Поскольку смысловое развертывание ключевых концептов в максимальном контексте творчества поэта в целом как динамическом текстовом единстве определяется глобальной стратегической задачей автора по приобщению читателя к доминантным константам собственного мирознания, именно смысловая «избыточность», многократная интенсивная актуализация, сквозная вербальная репрезентация этих констант определяют, в итоге, словесно-художественное структурирование текстов писателя.

Все выявленные средства и способы лексической репрезентации концепта *язык*, детерминируя смысловое развертывание и словесно-образное структурирование поэтических текстов, стимулируя ассоциативную «раздражимость» читателя и актуализируя «лингвистическую» нишу его информационного тезауруса, способствуют эффективности творческого диалога автора и адресата в процессе их совместной текстовой деятельности.

В Заключении подводятся итоги исследования:

1. Ключевой концепт – универсалия художественного мышления писателя – объективируется в лексической структуре поэтических произведений посредством особой, детерминированной эстетической интенцией автора и его коммуникативной установкой на гармонический диалог с читателем системы

вербальных репрезентантов. Будучи парадигматически и синтагматически связанными, они образуют текстовое и межтекстовое АСП концепта. Представленная в поэзии И. Бродского разветвленная многомерная структура АСП концепта *язык* и его основных фрагментов («Лингвистические термины и понятия», «Письмо», «Звукобуквы») отражает «лингвоцентризм» концептуальной картины мира автора – ее сущностное свойство, обеспечивающее осознание читателем исключительной значимости концепта *язык* в творчестве поэта посредством особой системы «лингвоориентированных» средств и способов его вербальной экспликации.

2. Стабильная ассоциативно-смысловая соотнесенность концепта *язык* с другими ключевыми концептами мировидения поэта (*человек, природа, время, смерть, творчество* и др.) служит лексическому воплощению уникальной личностной лингвофилософской концепции автора, основанной на феноменах гипостазирования, онтологизации и сакрализации языка. Эта концепция представлена в смысловом развертывании поэтических текстов И. Бродского взаимодействием (пересечением, наложением) АСП разных концептов, обусловленным включенностью вербальных репрезентантов каждого концепта в ассоциативные параллели и переклички.

3. Семантическая структура многозначной лексемы – номината концепта наряду с ее узуальными ассоциативными связями оказывает непосредственное влияние на организацию межтекстового АСП концепта *язык* в поэзии И. Бродского. Взаимодействие узуальных и индивидуально-авторских ассоциативных корреляций в формировании образа языка в лексической структуре стихотворных текстов художника является ярким проявлением его идиостиля.

4. Важной особенностью репрезентации концепта *язык* в лирике И. Бродского является концептуализация звукобуквы – приобретение ею способности функционировать в лексической структуре поэтических текстов художника в статусе полноценной двусторонней единицы, основанной на эстетической актуализации в сознании читателя графического облика и фонетической значимости звукобуквенного символа. Это происходит благодаря графическому выделению буквы в отдельную, суверенную единицу текста; перифрастическому описанию буквы и использованию звукоподражательных лексем.

5. В механизме ассоциативно-смыслового развертывания концепта *язык* в поэтическом творчестве И. Бродского явно доминирует закон эстетически обусловленной смысловой «избыточности», регулирующий познавательную деятельность читателя в процессе его приобщения к эстетическому смыслу текстов. Этот закон реализуется в лирике художника посредством: 1) высокой частотности слов-маркеров концепта; 2) их стабильной воспроизводимости в разные периоды творчества автора; 3) наблюдающейся в его текстах богатой синонимии языковых средств, 4) метатекстов, «вплетенных» в композиционную и лексическую структуру произведений, 5) итеративности - специфического свойства словесной организации поэзии И. Бродского, основанного на итерации – многократном повторении одного лексического комплекса в разных произведениях поэта.

Идиостиллю И. Бродского свойственны два типа итеративных повторов: 1) лексико-синтаксические межтекстовые повторы, подразумевающие полное или частичное тождество синтаксической структуры (предложения или словосочетания) и ее лексического наполнения и конституирующие текстовую синтагматику; 2) собственно лексические межтекстовые повторы, предусматривающие воспроизведение комплекса семантически близких лексем и формирующие текстовую парадигматику.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

1. Орлова О.В. К вопросу о лингвистическом анализе поэзии И. Бродского на уроках словесности // Актуальные проблемы методической работы в школе и вузе: Тезисы докладов региональной научно-методической конференции (14 – 16 мая 1997 г.). – Томск, 1997. – С. 20 – 21.
2. Орлова О.В. Архетип «верх – низ» в поэтике И. Бродского // Вестник Томского гос. пед. ун-та. – Вып. 1 (серия: история, филология). – Томск, 1997. – С. 88 – 89.
3. Орлова О.В. О роли информационного тезауруса личности в восприятии художественного текста (на материале поэзии И. Бродского) // Проблемы развития речевой культуры педагога: Материалы регионального научно-практического семинара (28 – 29 ноября 1997 г.). – Томск, 1997. – С.91 – 97.
4. Орлова О.В. Сверхсловные лексические единицы в поэтическом цикле И. Бродского «Двадцать сонетов к Марии Стюарт» в коммуникативном аспекте // Молодежь и наука: проблемы и перспективы: Материалы филологической секции II областной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых (16 – 22 апреля 1998 г.). – Томск, 1998. – С.12 – 15.
5. Орлова О.В. Семантические модификации фразеологизмов в поэтическом цикле И. Бродского «Двадцать сонетов к Марии Стюарт» // Актуальные проблемы дериватологии, мотивологии, лексикографии: Материалы всероссийской конференции, посвященной 120-летию Томского университета (27 – 29 марта 1998 г.). – Томск, 1998. – С.205 – 208.
6. Орлова О.В. Цитата и аллюзия в лексической структуре поэтических текстов И. Бродского // Вестник Томского гос. пед. ун-та. – Вып. 6 (серия: гуманитарные науки (филология)). – Томск, 1998. – С. 32 – 35.
7. Орлова О.В. К вопросу о роли лексики ограниченного употребления в поэтических текстах И. Бродского // Проблемы учебно-методической и воспитательной работы в школе и вузе: Материалы региональной научно-методической конференции (22 – 26 февраля 1999 г.). – Томск, 1999. – Т. 1. – С.170 – 173.
8. Болотнова Н.С., Орлова О.В. Стилистика русского языка: контрольно-тренировочные задания: Пособие для студентов 4 курса педагогического университета. – Томск, 2000. – 107с.
9. Орлова О.В. Метафорические архетипы в поэтическом тексте: архетип «жизнь - движение» в поэзии И. Бродского // Вестник Томского гос. пед. ун-та. – Вып. 3 (19) (серия: гуманитарные науки (спецвыпуск)). – Томск, 2000. – С. 69 -73.
10. Орлова О.В., Болотнова Н.С. К вопросу о лексическом воплощении концепта язык в поэтических текстах И. Бродского // Лингвистические парадигмы: традиции и новации: Материалы междунар. симпозиума молодых ученых «Лингвистическая

панорама рубежа веков». Волгоград, 23 – 25 мая 2000 г. – Волгоград, 2000. – с. 126 – 134.

11. Орлова О.В. Место концепта *язык* в концептосфере И. Бродского и его лексическая репрезентация // Коммуникативно-прагматические аспекты слова в художественном тексте: Науч. тр. каф. совр. рус. яз. и стилистики Томского гос. пед. ун-та. – Томск, 2000. – с.140 – 150.

12. Орлова О.В. К вопросу о лексических средствах выражения концепта *язык* в лирике И. Бродского // Русский язык в современном культурном пространстве: Материалы юбилейных конференций, посвященных 100-летию Томского гос. пед. ун-та и 70-летию филологического ф-та Том. гос. пед. ун-та (2 – 3 ноября 2000 г.). – Томск, 2000. – С.125 – 129.

13. Орлова О.В. К вопросу об образе родного языка в поэзии И. Бродского // Коммуникативные аспекты языка и культуры: Сборник научных статей и тезисов I межвузовской конференции студентов, аспирантов, молодых ученых. – Томск, 2001. – С. 245 – 247.

14. Орлова О.В. Антропонимы как одно из средств лексической экспликации концепта *язык* в поэзии И. Бродского // Проблемы русистики: Материалы всероссийской конференции «Актуальные проблемы русистики». – Томск, 2001. – С.104 – 108.

15. Орлова О.В. К вопросу о месте антропонимов в лексической структуре поэтических текстов И. Бродского // Диалог культур: сборник материалов межвузовской конференции молодых ученых. – Барнаул, 2001. – С. 12 – 17.

16. Орлова О.В. Образ родного языка в поэзии И. Бродского // Лексические аспекты смыслового анализа художественного текста в вузе и школе: Материалы регионального научно-практического семинара (26 апреля 2001 г.). - С. 64 – 72.

17. Орлова О.В. О лексическом воплощении уникальных ассоциативных связей в лирике И. Бродского // Лексические аспекты смыслового анализа художественного текста в вузе и школе: Материалы регионального научно-практического семинара (26 апреля 2001 г.). - Томск, 2001. - С. 31 – 40.

18. Орлова О.В. К вопросу о лексическом воплощении концепта «язык» в поэме И. Бродского «Исаак и Авраам» // Художественный текст и языковая личность: проблемы изучения и обучения: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию Томского государственного педагогического университета (11 – 12 октября 2001 г.). – Томск, 2001. – С. 67 – 74.

19. Орлова О.В. Особенности межтекстового ассоциативно-смыслового поля концепта *язык* в поэзии И. Бродского // Болотнова Н.С., Бабенко И.И., Васильева А.А. и др. Коммуникативная стилистика художественного текста: лексическая структура и идиостиль. – Томск, 2001. – С.173 - 186.

20. Орлова О.В. О некоторых особенностях ассоциативной структуры в лирике И. Бродского // Болотнова Н.С., Бабенко И.И., Васильева А.А. и др. Коммуникативная стилистика художественного текста: лексическая структура и идиостиль. – Томск, 2001. – С. 210 – 218.

21. Орлова О.В. «Лингвоцентризм» концептуальной картины мира И. Бродского и его отражение в лирике поэта // Болотнова Н.С., Бабенко И.И., Васильева А.А. и др.

Коммуникативная стилистика художественного текста: лексическая структура и идиостиль. – Томск, 2001. – С. 246 – 254.

22. Орлова О.В. Коммуникативные универсалии в механизме сквозной репрезентации концепта *язык* в творчестве И. Бродского // Болотнова Н.С., Бабенко И.И., Васильева А.А. и др. Коммуникативная стилистика художественного текста: лексическая структура и идиостиль. – Томск, 2001. – С. 285 – 301.

23. Орлова О.В. Лексема *перо* в межтекстовом смысловом развертывании концепта *язык* в лирике И. Бродского // Диалог с текстом: проблемы обучения смысловой интерпретации: Материалы V регионального научно-практического семинара (25 апреля 2002 г.). – Томск, 2002. - С. 54 – 60.